

Культурный плюрализм: еще одна надежда или угроза?

Красота возникает от пестроты мира, от игры света и теней, от скрещения бесчисленных лучей в одной точке, а если свет распределить равномерно, она иссякает... <...> Но можно ли без кощунства произнести слово «Бог» или хотя бы только слово «культура», если усомниться хоть на миллионную долю секунды, что все равны, что в доступе к духовным и жизненным благам все должны быть сравнены, какой бы ценой ни пришлось за это платить.

Георгий Адамович «Комментарии»

Ныне мы являемся свидетелями того, как резко возрастает число критиков культурного плюрализма (мультикультурализма). Что это значит для судьбы данного подхода? Ограничено ли его будущее пространством истории общественной мысли или ему удастся на какое-то время сохранить за собой роль реального социального фактора?

Предлагаемая статья не претендует дать прогноз. Поводом для нее послужили три книги, опубликованные в один год — 2001, хотя вошедшие в них тексты были написаны в разное время, в географически отдаленных точках, людьми не одного поколения. Более того, эти тексты в каждом случае по-своему связаны с культурным плюрализмом. Но именно эти отличия (при объединяющей всех троих авторов либеральной ориентации, а также чуткости к социальным реалиям, что ощущается в эмоциональной и образной стилистике их письма) создают многоплоскостное пространство, которое позволяет вести разговор о возможных векторах развития в судьбе культурного плюрализма.

Начнем с публикации, напрямую связанной с заданным выше вопросом.

Сборник Владимира Малахова «"Скромное обаяние расизма" и другие статьи»¹ составили тексты, опубликованные в литературных и философских журналах, газетных, сетевых изданиях в период между серединой 1997 и концом 2000 года. Статьи отличает полемичность и выход на политику, философию, культуру, образование, гражданские инициативы. При этом каждая из них интересна не только сама по себе, но как часть многосерийного повествования.

Внутренняя динамика этого издания отражает не просто смену акцентов во взглядах В. Малахова, но те социальные трансформации, которым подвергся культурный плюрализм и соответственно те изменения, которые претерпело отношение к нему. Этот факт ничуть не умаляет заслугу В. Малахова, ибо попытка показать связь собственной позиции с тенденциями функционирования конкретного подхода предполагает искренность и доверительность автора наряду с его профессиональной эрудицией.

Сборник открывает статья середины 1997 г. «Нация и культурный плюрализм», в которой, представив веер вопросов, касающихся национального самосознания России до и после 1991 г., автор делает следующее заключение: «...плоскость, в которой необходимо искать решение — это плоскость проблематики мультикультурного общества»². Однако уже со второго эссе сборника более или менее отчетливо звучит тема критики культурного плюрализма.

На материале разных стран автор показывает, как идея уважения, терпимости к своеобразию различных социальных сообществ³ нередко начинает работать на социальную изоляцию, как вместо того, чтобы устранять социальное неравенство, эта идея его консервирует. «Реактивный мультикультурализм наших дней — следствие девальвации ценностей, еще совсем недавно высоко котиrowавшихся. «Инакость», которую мы привычно ассоциируем с моральным идеалом признания, стала кодовым словом для стратегии *segregation*. Апология инакости превратилась в проповедь чуждости. <...> Провозглашенное от лица Разнообразия восстание против тотализующего Единства вылилось в многообразие мелких деспотий. Карнавал *гетерогенности* закончился принудительным культивированием новых *гомогенностей*»⁴.

При всей резкости тона этого высказывания и подобного ему, каких немало в сборнике, мне представляется принципиальным видеть за ними проблемы «второго уровня». Обращаясь к опыту большого числа стран, привлекая материал из разных областей гуманитарного знания, автор не просто рисует детальную картину «провалов» культурного плюрализма. Сборник интересен тем, что в нем проанализированы некоторые из причин, стоящих за такого рода

«провалами». Я бы сказала, что в этой работе представлена критика не только и не столько культурного плюрализма самого по себе, сколько способов неадекватного оперирования им, практик его приложения.

Ошибочной, по В.Малахову (по крайней мере так мне видится его позиция), оказывается абсолютизация идеи культурного плюрализма, неадекватное ее толкование — ее «инфляция». Когда нарушается соответствие между содержанием (базирующимся на принципах многовариантности, историчности, ситуативности) и способом приложения культурного плюрализма, тогда дают о себе знать эффекты, противоположные общим установкам, составляющим суть этой идеи.

Очевидно, что культурный плюрализм не в силах справиться со многими проблемами, связанными с социальным неравенством. Причина тому — подобные проблемы имеют не один, а несколько аспектов и требуют разносторонних, комплексных решений. Если же культурному плюрализму придается оттенок исключительности в плане правильности или широты применения и оперируют им в качестве универсальной отмычки, забывая о необходимости использования разных средств, вырастает веер проблем. Любое представление имеет вполне определенную сферу приложения и отличается ограниченным диапазоном применения. Гипертрофия конкретной системы взглядов и сопутствующие неблагоприятные последствия случаются, когда она помещается в «неприветриваемую» социальную нишу, в которую нет доступа для иных «веяний».

Многие проявления культурного плюрализма, типа лозунга «Black is beautiful», сами по себе не представляют социальной опасности; в культурном плюрализме не заложено как нечто необходимое противостояние «идее общества» или «идее индивидуальных прав». Но если не предпринимается никаких реальных шагов по консолидации общества или соблюдению прав человека, тогда ставка политиков исключительно на культурный плюрализм может существенно сдвинуть баланс в функционировании конкретного социума. Ибо многомерное, разноуровневое устройство общественной системы при этом неоправданно упрощается.

Сборник В.Малахова демонстрирует, как случилось, что отдельные подходы в различных областях гуманитарного знания внесли значительный вклад в становление идеи культурного плюрализма, а иные — напротив, способствовали ее коррупции. И в той и в другой группе случаев культурный плюрализм не выступал ключевым предметом теоретических построений соответствующего автора. Он являлся элементом или следствием общего корпуса взглядов и нес на себе его отпечаток. Соответственно в «открытых», «гибких» концеп-

циях М.Бахтина, К.Леви-Стросса, Ж.Делеза, Ж.-Ф.Лиотара, Ж.Деррида, В.Тишкова проблематика культурного плюрализма обрела новые грани, дополнительную объемность. В «жестких», одномерных концепциях типа «всеобъемлющей»⁵, «универсальной обществоведческой теории»⁶ Л.Гумилева, или построениях, наделяющих отдельную категорию «универсальной объяснительной функцией» (Ю.Бромлей)⁷, в схемах, не знающих противоречий (С.Хантингтон)⁸, эта идея, напротив, все больше превращалась в идеологический конструкт, а затем и жупел.

Книга В.Малахова подводит читателя к мысли, что судьба интеллектуальных перевертышей постигла культурный плюрализм далеко не только в силу сознательных действий политиков консервативного толка, а во многом в силу вновь и вновь воспроизводимых в разных сферах социальной практики процедур мышления, базирующихся на универсалистских ходах.

В книге Зигмунта Баумана «Сообщество. На пути к защищенности в ненадежном мире»⁹ культурному плюрализму отведена роль далеко не главного действующего лица.

В центре внимания автора книги — социально-психологическая потребность человека в поддержке, понимании, теплоте, которые дарит близкое социальное окружение. Рассматриваются факторы экономического, политического, культурного порядка, способствующие или препятствующие становлению в исторической перспективе различных форм сообщества.

Вариативность, неоднозначность — принцип, на котором З.Бауман во многом строит данную книгу, пытаясь раскрыть характер феномена сообщества и его значение для жизни личности. Книга привлекает тем, что ставит вопросы, на которые нет готовых ответов, и подсказывает не столько решения, сколько ходы мысли. Перед нами мастерская рассуждений, поиска, базирующаяся на глубоком знании истории культуры и общественной мысли.

В многомерной системе координат данной книги феномен сообщества представлен среди множества исторических действующих лиц. Культурному плюрализму в этом ряду, на первый взгляд, отведена роль «плохиша».

С критикой, которой З.Бауман подвергает культурный плюрализм, сложно не согласиться. Действительно, «уважением непохожести» нередко оправдывают безучастность, равнодушие к чужим («не

нашим») проблемам; отсутствие доступа к определенным социальным благам подчас эстетизируется и интерпретируется как проявление культурного своеобразия; за теми или иными культурными различиями не хотят замечать социального неравенства, во многом порождающего и воспроизводящего их; формы общественной несправедливости порой предпочитают представлять как результат свободного выбора социального субъекта¹⁰.

При этом разоблачающее повествование З.Бауман ведет в особой манере. Это не столько отстраненная позиция, выявляющая противоречия, ошибки в аргументации сторонников культурного плюрализма, или тщательный сбор, систематизация связанных с этим подходом фактов. В значительной мере позиция З.Баумана — живяние в положение того или иного социального субъекта, принадлежащего конкретному периоду истории. В повествовании З.Баумана, как правило, очень много от социальной психологии: реальных чувств, надежд, устремлений, отношений. Образность, метафоричность текста этого социолога не только аналитического порядка, но и эмпатийного. Дар З.Баумана сопереживать другим придает его текстам особую искренность. Работы З.Баумана — призыв к солидарности с людьми, находящимися на малом или большом временном, пространственном или социальном расстоянии от нас и оказавшимися жертвами несправедливого социального мироустройства. Под таким углом зрения в названной книге рассматривается и культурный плюрализм.

В пассажах о нем звучит немало горечи из-за «предательства». В самом деле, культурный плюрализм мог бы помочь осуществить чаяния, которые связываются с сообществом, ведь он отстаивает различные формы социального единения. Но этого не случилось. Напротив, культурный плюрализм нередко исказит желание взаимной помощи, сочувствия, доверия.

Однако как бы ни был строг З.Бауман в своих оценках культурного плюрализма, для него принципиально понять, по какой причине содержащийся в данном подходе потенциал сработал не на, а против сообщества. Он полагает, что многие проблемы, привнесенные культурным плюрализмом, — не его вина, а беда, неспособность справиться с тем социальным контекстом, который его окружает. В водовороте социального неравенства культурный плюрализм оказался бессилён, его добрые установки свелись на нет. Несмотря на то, что изначально он задумывался как попытка преодолеть социальное неравенство, сегодня фактически победа принадлежит последнему, заставившему культурный плюрализм работать на себя.

Но мультикультурализм получает оправдание в книге З.Баумана не только как жертва социального контекста. В книге содержится также косвенное оправдание. Выражается это в том, каким сложным, амбивалентным феноменом представлено сообщество, с одной стороны, дарящее чувство поддержки, но взамен отбирающее свободу. Тем самым автор намекает на неизбежную неоднозначность социальных феноменов и процессов в принципе¹¹.

По З.Бауману, сообщество ныне — скорее мечта, чем нечто реально осуществимое. Парадокс состоит в том, что сообщество стало осознаваться как ценность тогда, когда исторически оно уже во многом утеряно, вытеснено новыми формами социального взаимодействия. Позиция Баумана сильна своей реалистичностью: всякая социальная идея, — говорит он, — имеет определенную цену, что-то должно быть принесено ей в жертву. За надежность, стабильность надо заплатить свободой. «За привилегию «находиться в сообществе» должна быть заплачена цена — и она неоскорбительна и даже неочевидна до тех пор, пока сообщество пребывает в сфере мечты. Оплата производится в «валюте» свободы, иногда именуемой «автономией», «правом самоутверждения», «правом быть собой». Что бы вы ни избрали, вы что-то обретаете, а что-то теряете. Утрата сообщества означает утрату безопасности; обретение сообщества (если это случается) означает в скором времени утрату свободы. Безопасность и свобода — две равно дорогие и желанные ценности, которые могут быть лучше или хуже сбалансированы, но вряд ли их можно полностью, исключая трения, примирить»¹².

Но если ставки столь высоки, принципиальным оказывается поиск такого практического варианта, в котором была бы сбалансирована степень реализации мечты и заплаченная за это цена. Амбивалентность социального феномена — своего рода суммарный показатель ценности и цены реализации конкретного общественного явления. Принципы, которыми мы дорожим, предполагают знание о том, чем нам придется поплатиться. Таков совет З.Баумана, который позволяет надеяться, что усилия сторонников и критиков культурного плюрализма удастся объединить в поиске не радикального, а взвешенного варианта мультикультурализма.

* * *

Третья публикация, на которой хотелось бы остановиться, привлекла к себе внимание не только тем, что она представляет культурный плюрализм в позитивном ключе. Примечательно, что в ней этот

подход выступает помимо прочего как философия жизни, обретенная в ходе многолетней внутренней работы, поисков, как результат личностного выбора.

Исайя Берлин в эссе «Стремление к идеалу» 1958 г. (перевод А.Эткинда, 2001 г.), открывающем том «Философия свободы. Европа»¹³, признается, что проблематика культурного плюрализма имеет непосредственное отношение к его биографии¹⁴. Более поздние тексты, включенные в данный том, позволяют читателю убедиться, насколько названная проблема органична для последующей профессиональной деятельности И.Берлина, в какой мере он ей был верен.

Я остановлюсь именно на этом эссе, ибо оно в концентрированной и выразительной форме иллюстрирует, как культурный плюрализм может стать для человека смысловым фокусом.

Прежде всего, мне представляется важным тот факт, что данный подход для И.Берлина — выстраданный им взгляд на мир. Это — не отправная точка академической биографии, а центральная глава, этап в разработке «захватившей» его темы «разнообразия идей»¹⁵, которую он для себя существенно переосмыслил в сравнении с тем, как первоначально ее трактовал. Неслучайно поэтому при всем антимодернистском пафосе эссе И.Берлин отдает должное классической мировоззренческой позиции как культуре, оказавшей на обществоведа формирующее влияние. Он не отрекается от нее, ибо это его история, его прошлое. «Когда я был молод, — пишет он, — я слишком рано прочитал «Войну и мир». По-настоящему этот роман повлиял на меня позже, вместе с книгами других русских писателей и социальных мыслителей середины XIX в., которые во многом сформировали мои взгляды. <...> Больше всего их заботило, откуда берутся несправедливость, угнетение и ложь человеческих отношений, несвобода в застенках, сложенных из камня или конформизма, этого подчинения невидимым узам, созданным людьми. <...> У всех этих взглядов есть нечто общее — вера в то, что решения главных проблем существуют, что эти решения можно открыть и ценой самоотверженных усилий осуществить на земле. <...> В Оксфорде я стал читать великих философов и обнаружил, что самые крупные из них, особенно те, кто занимался этикой или политикой, верили в то же самое. <...> У драмы будет счастливый конец. <...> Придет день, когда люди возьмут жизнь в собственные руки и перестанут быть себялюбивыми игрушками слепых, неизвестных им сил. Не так уж трудно представить такой земной рай; а раз его можно себе представить, значит, к нему можно стремиться. В этом и состояла суть этической мысли от греков до средневековых мистиков, от Возрождения до прогрессистов прошлого века. Многие и сейчас в это верят»¹⁶.

Критика И. Берлином подобной системы взглядов зазвучит в статье позднее. А пока рассказ ведется спокойно, почти уважительно, в тональности, соответствующей настроению молодого И. Берлина, который «впитал»¹⁷ эти взгляды, разделял их. Ведь и в самом деле в них было немало моментов, вдохновлявших поколение за поколением в творческой и самоотверженной деятельности (только, увы, этим благим намерениям не суждено было осуществиться).

Динамика взглядов И. Берлина разворачивалась далеко не линейно. Ему суждено было обрести культурный плюрализм как точку опоры не сразу, а в процессе сугубо личного опыта осмысления истории культуры. К осознанию, что «не все высшие ценности, которыми живет и жило человечество, совместимы друг с другом», он пришел, читая... Макиавелли. На И. Берлина произвело сильное впечатление, как Макиавелли, не осуждая христианские ценности, но при этом понимая их несовместимость с ценностями Римской республики, которые ему были значительно ближе, на страницах своих текстов оставлял за читателем право выбора в пользу тех или других¹⁸. Среди имен, которые обычно фигурируют в связи с проблематикой культурного плюрализма, имя Макиавелли звучит во многом маргинально. Встреча с мыслью, «поражающей», но при этом не являющейся центральной для того или иного текста (корпуса текстов), случается, если для этой встречи есть некоторая внутренняя предрасположенность, ожидание. Думается, в данном случае встреча была подготовлена событиями детства и юности И. Берлина, тем многообразием культур: русской, еврейской, латышской, британской, — которое даровала ему в наследство судьба.

О личном отношении И. Берлина к культурному плюрализму говорит не только содержание автобиографического эссе, но и манера, в которой выполнен текст. Обращает на себя внимание та легкость, с какой он оперирует и располагает рядом разных по характеру материал — от академических исследований в области истории искусства, истории философии до психологии межличностных отношений. При этом фразы и пассажи (как и вся статья), соединяя в себе различные стили: научного анализа и повседневной беседы, — не выглядят эклектично. Напротив, они демонстрируют, насколько принцип мысли может стать принципом жизни. «У каждого общества — свои дары, ценности, способы творчества, они непередаваемы; все надо понять в его собственных терминах — понять, но не всегда принять»¹⁹. «Ценности могут сталкиваться даже в одном сердце, но из этого не следует, что одни из них — верные, а другие — нет»²⁰.

«...знание наше ограничено и мы не можем до конца понять ни людей, ни сообществ. Больше всего тут нужно смирение»²¹. Житейскую мудрость И. Берлин органично вплетает в логику аналитики.

Ответ на вопрос, почему культурный плюрализм обрел статус принципа философии жизни для И. Берлина, думается, стоит искать в следующем. И. Берлин исходит из того, что принципы, которые мы выбираем для себя как аналитические средства, должны работать на реальную жизнь, быть связаны с обыденным существованием человека. Культурный плюрализм для него отражает противоречивость, неоднозначность жизни и все множество сомнений, которые из этого вытекают. «Столкновение ценностей — самая сущность того, каковы мы и каковы другие. Если нам скажут, что такие противоречия будут разрешены в некоем совершенном мире, в котором все хорошее гармонически соединится, мы должны ответить, что наш собеседник придает иные значения словам. Мир, в котором нет конфликта между ценностями, — за пределами нашего понимания. Принципы, которые гармонично соединены в этом мире, — не те принципы, с которыми мы знакомы в повседневной жизни, они изменены каким-то неведомым способом. Но мы живем на земле, здесь нам приходится верить и действовать»²².

Абстрактные, перфекционистские, идеальные схемы пугают И. Берлина тем, что, оперируя ими, люди (при всей их искренности, доброте) забывают о нуждах людей, живущих «здесь и сейчас». Остаться на уровне оторванных от реальности идей для него чревато практиками, при которых «[ж]ивых людей приносят в жертву на алтарях абстракций»²³, а «холокосты во имя далеких целей — страшная насмешка над всем, что люди любили всегда и любят сегодня»²⁴.

При этом не надо думать, что жизнь по И. Берлину и соответственно избираемые им жизненные принципы являются лишь чем-то сугубо приземленным. Нет, просто возвышенное для него разнолико, изменчиво в пространстве и времени, множественно. «Есть много разных целей, к которым люди могут стремиться, оставаясь вполне разумными, полноценными людьми, способными понимать друг друга, сочувствовать друг другу и давать друг другу свет. Мы обретаем свет, читая Платона или средневековых японских авторов, хотя их миры и мировоззрения очень далеки от нашего»²⁵. Слово «свет» в конце первого предложения почти врывается в текст. Оно неожиданно, но при этом хочется удержать его на этом месте. Оно необычно для академической публикации своей поэтичностью, ассоциативным шлейфом смыслообразов. Во втором предложении оно звучит несколько иначе, чуть спокойнее — реалии межличностных отношений

сменяют реалии истории культуры. Общим для этих двух контекстов является принцип культурного плюрализма. Именно он ассоциируется в сознании автора с эфемерным и в то же время очень сильным, выразительным, многоплановым образом «света». По праву культурный плюрализм для И. Берлина экзистенциален.

Три публикации, о которых шла речь выше, — три отдельных, разнопорядковых, несопоставимых эпизода, выражающих противоречивое отношение к культурному плюрализму. Стоит ли этому удивляться, ведь жизнь реализуется через разнообразие. Соответственно всякая система взглядов востребуется каждый раз по-своему. Особенность культурного плюрализма в том, что вариативность его будущего в свернутом виде содержится в провозглашаемом им же принципе.

Примечания

- ¹ Малахов В. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. М.: Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги», 2001.
- ² Там же. С. 13.
- ³ Вклад этой идеи в преодоление неравенства, привносимого, в частности, принципом ассимиляции, в поддержание социального многоцветия, в предоставление представителям социальных меньшинств права оставаться собой, возможность участвовать в деятельности разных социальных институтов, мало кем ставится под сомнение (при том, что нельзя не признать сохраняющиеся предубеждения, формы дискриминации, вплоть до насилия по отношению к непохожести).
- ⁴ Там же. С. 25.
- ⁵ Там же. С. 91.
- ⁶ Там же. С. 113.
- ⁷ Там же. С. 112.
- ⁸ Там же. С. 74.
- ⁹ Bauman Z. Community: Seeking Safety in an Insecure World. Cambridge: Polity Press, 2001.
- ¹⁰ Ibid. P. 106–109.
- ¹¹ Солидаризируясь с этой сквозной темой всего корпуса текстов З.Баумана, я позволила себе включить в название собственного текста скрытую цитату из заголовка его работы «Постмодерн: шанс или угроза» (Bauman Z. Postmodernity: Chance or Menace? Lancaster, Lancaster University, 1991.)
- ¹² Bauman Z. Community: Seeking Safety in an Insecure World. P. 4–5.
- ¹³ Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое лит. обозрение, 2001.
- ¹⁴ Там же. С. 8.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С.8–10, 12–13.
- ¹⁷ Там же. С. 11.
- ¹⁸ Там же. С. 13–14.
- ¹⁹ Там же. С. 15.
- ²⁰ Там же. С. 18.
- ²¹ Там же. С. 24.
- ²² Там же. С. 19.
- ²³ Там же. С. 22.
- ²⁴ Там же. С. 22–23.
- ²⁵ Там же. С. 17.